

Когда ночи мало

Автор:

Венди Маркус

Когда ночи мало

Венди Маркус

Скорая помощь – Harlequin #4

У медицинской сестры Элисон Форшэй – молодой и красивой девушки – есть заветная мечта. Она хочет иметь семью: хорошего доброго мужа, кучу ребятишек, парочку собак, ну и дом, конечно, где все они будут жить. Но ее угораздило влюбиться в доктора Джареда Паджета, весьма интересного мужчину, на которого, кстати, заглядываются очень многие женщины, а он категорически против брачных уз. Все, что доктор Паджет может предложить Эли, – это любовь на двадцать четыре дня, до его отъезда на новое место работы. Девушка огорчена и обижена, но ей приходит в голову мысль попытаться завоевать Джареда в эти сжатые сроки...

Маркус Венди

Когда ночи мало

Глава 1

Дежурная медсестра Элисон Форшэй взглянула на часы, висящие на стене холла для персонала в отделении скорой помощи, и подумала: «Хорошо бы, восьмичасовое дежурство доктора Джареда Паджета пролетело незаметно».

Эли съежилась, не сводя глаз с медицинских карт на круглом столе перед ней, с усилием пытаясь сосредоточить свое внимание на документах маленькой белокурой голубоглазой Молли Даукинс. Трехлетняя малышка попыталась укусить медсестру, которая ее принимала, и пнула Эли, когда она вознамерилась осмотреть ее пораненный большой палец. Затем появился доктор Паджет, похвалил свежий розовый лак на ногтях Молли, изящные золотые браслеты на ее лодыжке и запястье и татуировку принцессы на ее руке. За три минуты он до того очаровал малышку, что та согласилась снять сандалии, подтвердив тем самым подозрения Эли, что женщины любого возраста не могли устоять перед его мужской харизмой.

Если бы против этого существовала вакцина, Эли попросила бы двойную дозу.

Она почувствовала легкое движение воздуха и боковым зрением увидела его голубые брюки и парусиновые тапочки. Он придвинул к ней стул и уселся, коснувшись ее локтем.

– Ты избегаешь меня? – поинтересовался доктор Паджет.

– Едва ли ты заслуживаешь такой чести.

– Я уезжаю в понедельник.

Да! Наконец-то! Его появление в больнице три месяца назад превратило ее жизнь в сплошной кошмар. Теперь, когда его практика закончилась, она наконец-то сможет вернуться к нормальной жизни, свободной от постоянных мучений на работе и вечных «случайных» совпадений их дежурств в выходные дни.

Махнув рукой, Эли сказала:

– Вот и прекрасно. Жив ты или умер, для меня теперь не имеет значения.

– Ну же, киска Эли. – Он схватил ее шариковую ручку. – Ты ведь знаешь, что будешь по мне скучать.

– Так же сильно, как по обострению геморроя, – усмехнулась она, посмотрев на него краем глаза. – И ты знаешь, что я не люблю, когда ты меня так называешь.

– Да, – согласился Джаред, игриво подмигивая оливково-зеленым глазом. Он улыбнулся, и на его щеках появились две ямочки, которые снились ей по ночам. Он сунул ее ручку за ухо и откинулся на стуле, сцепив длинные пальцы. – Ты такая смешная.

Эли потянулась за своей ручкой, растрепав его стильно подстриженные темные волосы. Он, защищаясь, поднял руку над головой, выражение его лица было такое, словно он звал ее подойти ближе.

Она этого не сделала.

Джаред швырнул ручку ей на стол.

– Я слышал, что вы собираетесь отпраздновать сегодня вечером мой отъезд, – заметил он, не упоминая того факта, что его не пригласили.

Эли пожала плечами, на ходу придумывая другой, менее радостный повод для вечеринки.

– Это такой же прекрасный повод для девчонок собраться вместе, как и любой другой. И при этом легче и проще, чем сжечь твой портрет.

Джаред подался вперед, уперся локтями в стол и наклонился над ней.

– Ты хочешь ранить мои чувства, котенок? – Его голос, мягкий и глубокий, заставил ее задрожать.

Прошло четыре часа его трудного ночного дежурства, а от него пахнет так, словно он только что из душа, подумала Эли. От мысленной картины обнаженного тела Джареда, когда вода струится по его коже, скользкой от мыла, у нее помутилось в голове. Ей потребовалось все самообладание, чтобы закинуть руки за голову и отстраниться от него.

– Что творится в этой хорошенькой головке, хотел бы я знать? – пошутил Джаред, глядя ей в лицо, словно пытаюсь что-то прочесть на нем.

Она изо всех сил надеялась, что на ее лице не выразилось ни малейшего интереса.

Помоги боже, чтобы ей это удалось. Долгих три месяца Эли сопротивлялась его привлекательности. Поначалу она ничего не могла с этим поделать. А теперь не хотела. Единственное, что срабатывало в таких случаях, – это дистанция, поэтому она собрала медицинские карты и встала.

Джаред тоже встал и оказался прямо перед ней, так близко, что она заметила крошечные веснушки в v-образном вырезе его халата, похожие на капельки шоколада, которые ей захотелось слизнуть. Его запах кружил ей голову, заставляя забыть о благоразумии.

Девушка уставилась прямо в его ключицу, избегая его взгляда из страха, что выдаст себя.

– Пожалуйста, подвинься.

– Я думаю, ты не хочешь, чтобы я отодвинулся, тебе нравится, когда я рядом.

– Ты научился читать чужие мысли? – Эли отступила. Дистанция. Она нуждалась в дистанции между ними. Предпочтительно размером в континент, но другая часть штата Нью-Йорк, где у него была новая работа, тоже подойдет.

– Да, научился. – Он приблизил свое лицо к ее лицу. – Ты думаешь о чем-то очень порочном, сестра Форшэй.

– Если ты считаешь порочной мысль о том, что неплохо было бы стукнуть тебя моим стетоскопом. А теперь прочь с дороги. – Она оттолкнула его руку. – Мне нужно работать, и тебе тоже.

На секунду Джаред стал серьезен.

– Ты когда-нибудь простишь меня?

– Для этого нужно, чтобы мне было до тебя дело. – Медсестра подняла глаза и встретила с ним взглядом. – А мне нет дела. Ни малейшего!

– Ты могла бы, если бы попыталась.

Это был все тот же старый аргумент.

– С чего б, бога ради, мне захотелось это сделать? С того дня, как тебя сюда прислали, по рекомендации твоего друга и моего бойфренда, добавлю в скобках, ты все время норовил встать между нами.

– Сначала нет. – Джаред поднял указательный палец. – До тех пор, пока я не осознал, что вы оба несчастны.

– Я была счастлива. – Может быть, более подходящим словом было бы «спокойна». – Так же как и Майкл. У нас были прекрасные отношения, пока ты не появился.

Так ли? Она так старалась быть той женщиной, которая нужна Майклу.

– Ты не любила его, – заметил Джаред.

Да, она не любила. Но доктор Майкл Степфорд превосходно ей подходил. Надежный. На него можно положиться. Предсказуемый. Может быть, она могла бы полюбить его, если бы у нее было больше времени. «Да ладно, Эли, – перебила она себя. – Разве год – это недостаточно длинный срок?»

– Что я чувствовала к Майклу, к делу не относится. – Девушка бросила медицинские карты на стол и обернулась к Джареду: – Ты вытащил его в свет, напоил и отослал домой с Вандой из педиатрии. Ты знал, что она по нему сохнет.

– Я не сажал его в машину, Эли. Я не срывал с него одежду и, во всяком случае, не толкал его к ней в постель.

Ну, без этих подробностей она могла бы и обойтись.

– И я совершенно уверена, что ты не пытался остановить его. Разве друзья так поступают?

Во всяком случае, не ее друзья, в этом Эли была уверена. У нее могла бы быть приятная стабильная жизнь с Майклом, который, пока Джаред не явился в их городок, никогда не задерживался после одиннадцати, разве что на работе, никогда не отправлялся выпить с друзьями и никогда не интересовался женщинами, исключая, разумеется, ее. Она изо всех сил старалась сделать его счастливым, вести тихую, незаметную жизнь, о которой мечтала с детства.

– В последние месяцы мы слишком эксплуатировали эту тему. – С неожиданной небрежностью к своей внешности Джаред запустил руки в волосы. – Если бы я думал, что Майкл совершает ужасную ошибку, я бы его остановил. Но им с Вандой хорошо вместе.

Это был аргумент, который Майкл привел пару недель назад, во время беседы с Эли, когда она надеялась, что он попросит у нее прощения за измену. Однако Эли не смогла бы простить его. Обычно спокойный, Майкл не был в состоянии сдержать своего влюбленного восторга, когда перечислял, почему Ванда превосходно ему подходит, невольно называя все те качества, которых не хватало Эли.

Так что никаких запоздалых сожалений.

– Они счастливы вместе, – повторил Джаред.

Да. Только дело в том, что он счастлив не с ней.

– Майкл был отличным студентом в медицинской школе, – продолжал Джаред. – Он – хороший друг. Но при этом самый большой зануда из всех, кого я когда-либо встречал. Он просто старое доброе ванильное мороженое, а ты шоколадная помадка с радужными капельками. Он – полезный завтрак из каши со снятым молоком. Ты – булочка с голубикой с теплым кленовым сиропом. Ты теряешь свой блеск, когда он рядом. Он такой тусклый, он гасит твоё сияние. Неужели ты так хотела выйти замуж, что была готова согласиться на тусклую, однообразную, тоскливую жизнь?

– Я не хотела выйти замуж.

Черт побери. Эли топнула ногой. Ну, на самом деле она не так уж сильно этого хотела, подумала Эли. Но после всех тех мучений, которые доставила ей ее мамаша, которая приводила к ним в дом одного неудачника за другим, дюжинами, и эти отношения были обречены на провал, стабильная жизнь, свободная от драм, с одним достойным доверия, преданным мужчиной, была ее величайшей мечтой.

– И тебе нет дела до моей жизни.

– Со временем он бы тебя замучил. В ответ ты превратила бы его жизнь в ад. Я видел, как это происходит. Черт, я это пережил.

– Единственный человек, который меня замучил, – это вы, доктор Паджет.

– Тебе нужен настоящий мужчина, Эли. Такой же страстный, как ты, а не Шеффорд, с его вечной миссионерской позой, «свет выключен, раз в неделю по средам».

Эли разинула рот, не в силах поверить, что Майкл поделился этим со своим другом.

– Позволь мне показать тебе, что такое быть с настоящим мужчиной, – произнес он с нахальной уверенностью, которая делала его таким привлекательным. И, понизив голос, добавил: – И ты больше никогда не свяжешься с посредственностью.

Ей хотелось поймать его на слове. Каждая клеточка ее тела трепетала при мысли, что она может провести ночь в его сильных руках, позволив его опытным пальцам пробежаться по всему ее телу. Черт его побери! Она отказывала себе в желании поддаться его страсти, в то время как любая женщина на ее месте бросилась бы к нему в объятия.

– Эй, детка, я хочу наполнить твою канноли своим кремом, у тебя много свиданий? – Джаред рассмеялся.

Эли не замедлила с ответом.

– Если ты разрушил мои отношения с Майклом из-за того, что запал на меня, ты напрасно теряешь время. Потому что был не прав, когда считал, что Майкл мне не подходит, и дважды не прав, когда думаешь, что ты мне подойдешь.

Дверь в приемный покой отворилась, положив конец разговору. Тани, секретарша, просунула голову в дверь. У нее были волосы цвета воронова крыла, которые эффектно контрастировали с бледным лицом.

– Скорая везет пациента. Мужчина, сорок семь лет, полная остановка сердца, давление падает, врачи не в состоянии ввести трубку. Расчетное время прибытия – четыре минуты.

Джаред в одно мгновение превратился в профессионала.

– Свободна...

– Свободна первая травма, – закончила за него Эли.

– Мне понадобятся...

– Капельница и каталка наготове.

– Позвони...

– В респираторную терапию и рентгенологию, чтобы они знали, чего ждать. – Эли сгребла свои карты и направилась к двери. – Я этим займусь. – Невзирая на их разногласия, они были великолепной командой.

* * *

Сорок минут спустя Джаред стоял перед реанимацией со скрещенными на груди руками. Он глядел на темную парковку и ниже вдоль засаженного деревьями холма на далекие огни Мейн-стрит. Морозный ноябрьский воздух освежил его голову, тишина успокаивала. Его напряжение стало спадать.

– Вы должны были его спасти! – орал на него разгневанный подросток. – Ваша работа – спасать людей!

Джаред повернулся влево. Пятнадцатилетний сын пациента, который умер пять минут тому назад, шел к нему. Мешковатые штаны, длинные волосы и пирсинг в брови. Парень, похоже, был готов убить его.

Джаред оттолкнулся от столба, о который опирался, радуясь, что обвинять в смерти пациента его будут здесь, снаружи, а не в забитом народом коридоре реанимации. Сквозь электронные стеклянные двери реанимации он видел Эли с обезумевшей от горя матерью мальчика. Одной рукой Эли обнимала ее, другой – маленькую сестру подростка, которая билась в истерике. Она пыталась успокоить их.

– Мне очень жаль. – Джаред шагнул к мальчику.

– Вам жаль? – заорал мальчишка, его голос надломился, слезы потекли по искаженному яростью лицу. – Какое мне до этого дело? Мой отец умер из-за того, что ты... – он встал перед Джаредом и ткнул ему в плечо указательным пальцем, – не сделал свою работу.

Тот глубоко вздохнул, пытаясь передать свое спокойствие мальчишке, понимая, что ему легче обвинять доктора, чем смириться со смертью отца. То обстоятельство, что его пациент имел по меньшей мере сотню с лишним фунтов лишнего веса, выкуривал две пачки сигарет в день и вел сидячий образ жизни, не могло служить для врача оправданием.

И, несмотря на отчаянные попытки, Джаред был в не в состоянии воскресить его.

– Иногда, – произнес Джаред, глядя в полные слез карие глаза, изо всех сил стараясь, чтобы его голос был спокойным, – как мы ни стараемся, ничего не можем поделать. Я сделал все, что в моих силах, чтобы спасти твоего папу.

Подросток отпрянул, словно кто-то уколол его булавкой.

– Я не хочу, чтобы он умер. Что я буду делать без него?

Джаред схватил парнишку и крепко обнял, приподняв его, что потребовало немалых сил.

– Я тоже пережил такую драму, – сказал Джаред, мучаясь при мысли о том, что мальчишка будет делать в последующие дни, недели и месяцы. – Тебе придется пройти через это. – Но это будет нелегко, и сам он никогда не забудет тот день, подумал Джаред.

– Он орал на меня, чтобы я выключил музыку, – пробормотал парнишка между рыданиями. – Я его не слушал. Если бы я это сделал, ему бы не пришлось орать на меня. Может быть, сейчас он был бы жив.

Джаред вспомнил разнообразные сценарии «если бы», которые вертелись у него в голове, когда в том же возрасте он в одиночку столкнулся с сердечным приступом своего отца. Если бы только мама не ушла в аптеку за лекарством для желудка, оставив его присматривать за больным отцом. Если бы он только послушал, когда отец учил его набирать 911, тогда скорая помощь не приехала бы слишком поздно. Если бы он только изучал сердечную реанимацию, которую можно было выбрать в качестве дополнительного предмета в старших классах. Если бы он только побежал к соседке, миссис Алварес, медсестре, которая была дома, вместо того чтобы торчать около отца, держать его за руку и услышать его последний вздох.

– Твой отец не был здоровым человеком, – объяснил Джаред, поглаживая парня по спине. – У него случился обширный сердечный приступ. Ни ты, ни я, никто не мог спасти его.

– Что мне теперь делать? – тихо спросил парнишка.

Врач положил обе руки парнишке на плечи и отступил на шаг, чтобы видеть его глаза.

– Возвращайся в реанимацию. Бери свою маленькую сестричку и убеди ее, что ты еще здесь и что ты присмотришь за ней так же, как делал папа. Поцелуй свою маму и скажи, что ты любишь ее, и что ты здесь ради нее, и что сделаешь все возможное, чтобы помочь ей. – Джаред встряхнул парнишку, чтобы убедиться, что тот слушает внимательно. – Не говори много. Просто делай. Живи этим. И что бы ни случилось, не позволяй маме отталкивать тебя. – «Если бы я в свое

время этого не сделал, может быть, все пошло бы по-другому», – подумал Джаред.

Может быть, он бы сумел исполнить последнюю мольбу его отца: «Позаботься о своей матери».

– Вот ты где. – К ним подошла Эли.

Джаред не слышал, как открылись электронные двери. Как долго она стоит здесь? Как много слышала?

– Ты Джимми? – спросила она парнишку, тот кивнул – Твоя мама ищет тебя.

Джимми отвернулся, всхлипнул и вытер глаза.

– Мне очень жаль твоего папу, – сказала Эли, заботливо дотрагиваясь рукой до плеча Джимми.

– Мне тоже, – ответил он и с невозмутимым видом, за который Джаред его зауважал, глубоко вздохнул, выпрямился и вошел в реанимацию.

Джаред снова повернулся к парковке, нуждаясь в паре минут, чтобы вернуть себе невозмутимость, вспоминая, как ехал домой из больницы, гнев матери, ее горькие обвинения и последовавшие затем годы, когда с ним обращались так, словно его не существует.

Ему нужно было уйти от болезненных воспоминаний, закрыть отдаленную часть сознания, где он запер их, и потому Джаред принялся размышлять на свою любимую тему последних недель. Медсестра Эли Форшэй.

Он вспомнил их первое общение еще до того, как узнал, что она – девушка его друга. Они встретились в тесной кладовой. Пытаясь дотянуться до рулона бумаги щеткой, он задел ею девушку, и они оба застыли, обменявшись испуганными взглядами. Джареда пот прошиб от осознания ее необыкновенной привлекательности, он был готов схватить в объятия и поцеловать женщину, имени которой он даже не знал.

Если бы он был свободен и мог ненадолго расслабиться, она вошла бы в верхние строчки его списка «я хочу эту женщину». Но он не был свободен.

– Ты в порядке? – Эли подошла и стала рядом с ним.

– Первый сорт. Как ты?

– Ты отлично обошелся с Джимми. Мне жаль, что ты потерял отца в таком юном возрасте.

Он не мог смотреть на нее.

– Именно поэтому я стал врачом, чтобы больше никакому мальчишке не пришлось иметь дело с тем, через что прошел я. Я великолепно справляюсь, не так ли?

– Ты не Бог. – Эли положила руку ему на плечо, и он почувствовал исходящее от нее тепло.

Джаред жаждал ее прикосновения с яростью, которая приводила его в восторг и одновременно заставляла нервничать.

– Для отца Джимми ты сделал все, что мог.

Доктор наклонил голову, и их взгляды встретились. Глаза Эли выражали искреннюю озабоченность и сочувствие. Он видел этот взгляд много раз за то время, что они работали вместе, но он всегда был обращен на пациентов и никогда на него. И тем не менее, вместо того чтобы использовать эту минуту для искреннего разговора, Джаред предпочел проигнорировать нежеланное, давно подавляемое чувство, глубже погружаясь в себя, в свою израненную душу.

– Осторожно, котенок, – сказал он громким шепотом, убедившись, что вокруг никого нет, чтобы услышать его нежности. – У меня может создаться впечатление, что я начинаю тебе нравиться. – Его настроение улучшилось. – Как бы ты ни старалась, ты ничего не можешь с этим поделать.

– Не-а. – Эли посмотрела на часы. – Больница платит мне за то, чтобы я была доброй и проявляла сочувствие. На твоё счастье, моё дежурство ещё не кончилось.

– Хорошо. – Джаред нагнулся ближе к её уху. – Может быть, мы могли бы найти какое-нибудь уединенное местечко, и ты бы одарила меня ещё немного своим... сочу... страстью.

Она ущипнула его.

– Ох. – Он потер руку. – Куда делась твоя доброта?

Девушка посмотрела на него, её светло-голубые глаза сузились.

– Я на грани срыва. – Доктор вытер сухие глаза. – Мне кажется, я вот-вот расплачусь.

Эли повернулась и зашагала назад к реанимации. Сзади она выглядела так же классно, как и спереди, узкие брючки обтягивали её превосходные формы, длинные каштановые волосы были собраны в узел, и в мочках ушей, которые так хотелось поцеловать, блестели маленькие золотые сережки.

– Женщины всегда так себя ведут, стоит мужчине расчувствоваться? – прокричал Джаред ей вслед.

Эли остановилась.

– Вожделение – это не чувство, доктор Паджет, – бросила она через плечо.

– Приходи ко мне домой после работы, и мы вместе поищем в Гугле. И потом выберем, что будем делать дальше. Ты знаешь, что я предпочту?

Эли нажала кнопку электронных дверей. Когда они начали открываться, он прокричал:

– Время на исходе, Эли.

Она заколебалась, прежде чем шагнуть обратно в реанимацию.

Джаред немного подождал, удерживая на лице улыбку. Провоцировать ее было так весело. Никто не развлекал его так, как Эли. Такое с ним в первый раз за два года, которые он работал врачом, меняя больницу за больницей, он по-настоящему станет скучать по ней, когда закончится срок его контракта.

Это точно знак подумал Джаред. Отношения, любовь, женитьба – все это ослабляет мужчину, делает его зависимым и уязвимым. Смерть его отца сломила дух его матери, разбила ее сердце, сделала обозленной, неспособной обрести радость. Лживость его жены, разрыв с ней и последовавшие за этим проблемы с законом сделали с ним то же самое.

Нет. Он предпочитает быть один. Никаких привязанностей, никаких ожиданий, никто больше не разочаруется в нем и не разочарует его.

К Эли обратилась ее коллега.

– Я собираюсь отдохнуть, – сказала она. – Пьяницу я отправила на экспертизу.

Пьяных и сумасшедших отправляли в комнату в дальнем конце т-образного коридора.

– Спасибо, – произнесла Эли с шутливой признательностью.

– Его друзья помогают ему переодеться в пижаму.

Супер-пупер. Компания бродяг, подбивающая дружка полечиться, подумала она и взглянула на часы. Четыре двадцать две утра, ночное дежурство никогда не кончится. Открыв папку, Эли просмотрела, кого надо посетить. Так, пациента поранили в стрип-клубе. Его ударил вышибала во время стриптиза. Боль в левом глазу, левой щеке, челюсти, животе и правом ребре.

Эли подождала у двери, затем постучала. Мужской голос проговорил:

– Войдите.

– Меня зовут Элисон, – представилась девушка, наваливаясь всем телом на дверь, чтобы удержать ее открытой. – Я ваша медсестра. – Прежде чем войти, она оценила взглядом четырех пациентов, занимающих комнату, – троих посетителей в дорогих брюках и расстегнутых белых рубашках: двое из них полулежали на стульях, а третий сидел на каталке, прислонившись к стене и свесив голые ноги. Они выглядели уставшими. Девушка положила карточку пациента на столик у раковины и подошла к темноволосому мужчине, сидящему с голыми ногами. – Можете ли вы сказать мне, сколько вы выпили сегодня вечером?

Она взяла темноволосого мужчину за руку, чтобы проверить пульс, и начала осмотр. От пациента пахло алкоголем. Он поднял глаза.

– Достаточно, чтобы сделать вас самой прекрасной женщиной в мире.

– Ха, спасибо. – Эли внимательно посмотрела на пациента. Левый глаз распух, наполовину закрыт, на лице царапины. Левая щека покраснела и распухла. В левой ноздре – запекшаяся кровь.

Пациент моргнул, словно пытаясь лучше рассмотреть ее.

– Эли? – Он опустил глаза к биджику с ее именем. – Ну, черт побери. – Повернувшись к друзьям, махнул рукой и вцепился в поручни каталки. – Похоже, что мои шансы на счастье растут, друзья мои.

Черт. Парень, с которым она училась в школе. Его лицо было так разбито, что она его не сразу узнала.

– Ваш пульс в порядке. – Эли открыла футляр термометра. – Положите это под язык.

– Есть вещи получше, которые я могу делать языком.

Он высунул вышеупомянутую часть тела и медленно облизал губы. Его друзья захихикали.

– Как только вы покинете реанимацию, вы сможете делать все, что угодно, – разрешила Эли. – Но прямо сейчас я должна измерить вам температуру.

Парень улыбнулся и взял в рот термометр.

Эли воспользовалась задержкой, чтобы вписать в карту его пульс и прочитала его имя. Роберт Брэйлор. О нет.

Бобби Брэйлор. «ББ».

Прозвучал сигнал. Молчание Бобби закончилось.

– Эли, стоящая перед вами, – моя любимая болельщица, – заявил он. – Она любит быструю езду. Разве это не так, Сливочный Сырок?

Сливочный Сырок. Так называл ее Бобби в старших классах. Потому что ее бедра так легко раздвигались. Когда она была глупой девочкой-подростком, она находила это забавным. Став взрослой, она поняла, что означало это постыдное прозвище для девочки, которая так отчаянно желала нежности и любви, что пыталась найти их в объятиях мальчишек. Обычно полуодетая, на заднем сиденье автомобиля, в лесу или если везло, то в кровати, когда никого из взрослых не было дома.

Сначала Эли подумала выйти из комнаты и попросить кого-нибудь из коллег заняться Бобби. Но она была профессионалом, умевшим обращаться с любыми пациентами, поэтому проигнорировала его грубый комментарий и продолжила осмотр. Чем быстрее она закончит, тем быстрее сможет уйти, не пренебрегая своими обязанностями.

Вытащив манжету прибора для измерения давления из металлической корзины на стене, она просунула в нее предплечье Бобби.

– После того как измерю вам давление, я позову доктора Паджета. Вероятно, он захочет сделать рентген.

Эли надувала рукав, со страхом думая о том, как Бобби встретится с Джаредом и они вдвоем будут обсуждать ее. Сто восемьдесят на семьдесят четыре. Эли

сняла манжету и положила обратно в корзину. За те несколько секунд, которые понадобились ей, чтобы подойти к краю каталки, Бобби встал, схватил ее за руку и навалился на нее всем телом.

– У меня в другом месте давление, которое нужно уменьшить, прежде чем ты уйдешь.

Эли вывернулась. Они были одни – посетители ушли, закрыв за собой дверь комнаты.

– Перестань, Бобби.

– Да ну же, Эли. – Его рука пробежала от ее живота к грудной клетке и сильно сжала ее грудь. – Ради добрых старых времен.

– Нет. – Она пыталась оттолкнуть его, но он повернул ее лицом к себе, прижал спиной к стене и сам притиснулся к ней всем телом, так что ей стало трудно дышать. Эли пыталась вырваться. И не могла. Алкоголь не повлиял на его силу. Когда он так вырос? Ее досада сменилась страхом.

– Я знаю, что я был твоим любимчиком, – сказал Бобби.

И все потому, подумала Эли, что десять лет назад у него были машина, фальшивые права и никогда не кончающийся запас денег на пиво и сигареты. Для сбившейся с пути пятнадцатилетней девчонки он был превосходной кандидатурой.

– Ты так мне нужна, – уверял ее парень, двигая рукой по ее затылку, прижимая ее рот к своему так сильно, что она почувствовала вкус крови. Другой рукой он тербил лямку ее комбинезона.

– Убери от меня руки! – закричала Эли. Она попыталась вывернуться, ударить его в живот коленом. Но ничего не вышло. Тогда она укусила его за губу. Когда он отшатнулся, она закричала: – Помогите! Доктор! Кто-нибудь! На помощь! – Девушка молилась о том, чтобы кто-нибудь услышал ее.

– Тихо, Эли. – Бобби зажал ей рот рукой. – Ты знаешь, что хочешь этого. Ты всегда этого хотела.

Глава 2

Джаред сидел за компьютером в приемном отделении, проверяя результаты анализов пациентов, когда услышал крик Эли о помощи. Без колебаний он закрыл файл, вскочил со стула и побежал в ту сторону, откуда раздавался крик.

Дверь в палату, куда Эли пошла, чтобы обследовать нового пациента, была закрыта. Джаред рывком распахнул ее и увидел, что высокий мужчина – его больничная рубашка распахнулась на спине, открыв трусы-боксеры в красно-синюю клетку, – прижимал Эли к стене, одной рукой обхватив ее за талию, его губы искали ее губы, пока она пыталась отвернуться и оттолкнуть его.

– Убери руки от моей медсестры, – приказал Джаред, его голос звучал спокойно, он не хотел нагнетать обстановку.

– Спокойно, док, – отозвался насильник, едва выговаривая слова. – Мы с Эли возвращаемся в старые деньки. Мы только что вспомнили былое знакомство.

Эли боролась с его мертвой хваткой.

– Мы не вспоминали. Убирайся от меня, Бобби.

– Я предпочитаю верить леди, – возразил Джаред, осторожно входя в комнату, позволив двери захлопнуться за ним. – Отпусти ее, или ты окажешься на этой каталке, связанный по рукам и ногам, с мешком полным льда между ног. – Мужчина подошел к Бобби достаточно близко, чтобы учуять запах спиртного и увидеть похоть в его глазах, один из которых был подбит. – Здесь, в отделении неотложной помощи, это – единственное лечение, которое мы можем предложить для возбужденных гениталий.

– Да ладно, дай мне время, – сказал Бобби, все еще не отпуская Эли. – Через несколько часов я женюсь.

– Девушке, которая выйдет замуж за такого героя, просто повезло, – заметил Джаред в надежде отвлечь внимание пациента.

Уловка сработала. Пациент повернулся к Джареду и, должно быть, ослабил хватку, потому что Эли освободилась и бросилась в объятия врача. Косясь на насильника, Джаред обнял ее и пробормотал:

– Ты в порядке?

Она кивнула, дрожа всем телом. И словно не на нее только что напали, доложила:

– Двадцать пять лет, мужчина, алкогольное опьянение, вступил в драку с охранником в стрип-клубе. Травма лица, жалуется также на боль в животе и ребрах. Жизненные показатели в норме, документация – в его карте.

– Я посмотрю, Эли. Пойди передохни. – Джареду не нужны были свидетели, чтобы «помочь» пациенту переместиться обратно на каталку.

– Я в порядке, – заверила Эли.

Но ее голос дрожал. Джареду хотелось обнять ее, прижать к себе, успокоить, дать ей понять, что она в безопасности, что он никому не позволит обижать ее. Но сначала ему нужно было разобраться с отморозком.

– Вы можете взобраться на каталку сами или вам нужна моя «помощь»? – спросил Джаред.

Мужчина залез на каталку, и это было его первое мудрое решение за все утро.

Джаред подошел к Эли, держа мужчину в поле зрения.

– У тебя губа кровоточит, – прошептал он, приподнимая ее голову за подбородок, чтобы лучше рассмотреть. – Пойди умойся.

Удивленная, Эли потянулась рукой к своей распухшей нижней губе.

– Полагаю, что в твоём состоянии... – он посмотрел на больничную рубашку мужчины, – тебе будет нелегко взять у него анализ мочи, что означает, что мне придется ввести ему катетер, чтобы проверить мочу на токсины.

Вот так. Он подмигнул Эли. Пусть этот идиот пару минут попотеет.

– Черта с два, я вам дамся, – возмутился Бобби. – Где моя одежда? Я ухожу отсюда.

– Вы никуда не пойдете, – заявил Джаред, излучая спокойствие. – Во всяком случае, не раньше, чем сюда прибудет полиция. Видите ли, у меня нулевая толерантность к мужчинам, которые плохо обращаются с женщинами.

– Давай не будем раздувать это дело, – попросила Эли.

– Меня учили, что многие жертвы сексуального насилия берут сторону обидчика.

– Жертва сексуального насилия? – вскинулся Бобби. – Вы что, сдурели? Это же Эли. Она просто сыграла в недоступность. Я не нанес ей никакого вреда.

– Он прав, доктор. – Эли защищала пациента, но Джаред увидел, что обидные и жестокие слова Бобби вызывали у нее слезы, когда она повернулась, чтобы уйти.

– Вы... – Джаред указал на пьяного, – останетесь здесь. Не покидайте каталку. – Затем он последовал за девушкой. – Эли, подожди.

Она остановилась, но не повернулась, чтобы посмотреть на него.

Когда он подошел, Эли пояснила:

– Мы были знакомы в старших классах. Забудь об этом, если можно.

– Тебе надо преподать этому мужчине урок. Он должен знать, что с тобой так обращаться нельзя.

– То, что мне нужно, – устало сказала она, – это обмыть губу, встряхнуться и вернуться обратно к работе. А Бобби нужно обследовать, полечить и отпустить, чтобы он смог жениться.

Как будто Джаред мог так легко его отпустить.

– Если ты не хочешь постоять за себя, хорошо. Я сделаю это сам. Я звоню в полицию.

В глазах Эли сверкнул огонь.

– Завтра вы уедете, доктор Паджет. А я живу в этом городе. Если вы позвоните в полицию, мне придется отвечать на разного рода вопросы, появятся слухи, и люди вспомнят о роли Бобби в моем прошлом, которым мне нечего гордиться.

– Твое прошлое не имеет отношения к тому, что произошло сегодня ночью. Мужчина пытался принудить тебя... – Джаред поперхнулся. Он не мог произнести этого слова, не мог осознать, что бы произошло, не услышь он ее крика. – Если ты не хочешь раздувать дело, хорошо. Но я не могу пройти мимо. Я должен доложить об инциденте. Извини.

– Да, ты должен. – Девушка посмотрела на него, в ее голубых глазах не было ни слезинки. – Извини – вот и все, что может сказать человек, который хотел быть моим другом. – И она бросилась через коридор к вестибюлю.

Он разозлил ее, ничего особенного. Но глубоко в душе это беспокоило его. Он не хотел, чтобы она его возненавидела, не хотел расставаться с ней по-плохому. Почему она имела для него такое значение?

– Нет, еще текилу, – настаивала Эли в тот вечер, когда их официантка принесла третий поднос с воскресным предложением меню: «Маргарита» с арбузом. – Я сегодня хочу погудеть. Напиться до бесчувствия.

– И это говорит женщина, которая редко заказывает что-нибудь крепче сельтерской с лимоном. Что с тобой творится? – спросила Виктория, лучшая подруга Эли с одиннадцатого класса и старшая медсестра из пятого отделения.

Короткие темные волосы, безупречный макияж, непогрешимый вкус в одежде, всем этим она больше походила на девушку, собравшуюся поужинать где-нибудь в загородном ресторане, чем на участницу девичника.

Официантка поставила перед ними по четвертому бокалу с выпивкой.

– Ну же, Эли, – подначивала ее Поли, медсестра из приемного отделения. – Мы же празднуем.

– Если вы не сбавите обороты, то скоро напьетесь, – констатировала Рокси, медсестра из пятого отделения хирургии, смахивая со стола разлитую выпивку, поскольку у Поли бокал дрожал в руке и она разлила содержимое, пока несла его ко рту. Рокси была загорелой, высокой и тоненькой, а Поли бледной, низенькой и круглолицей. Рокси была громкой и общительной, а Поли тихой и застенчивой. Рокси была плохой девочкой, а Поли – хорошей девочкой. Трудно было найти две большие противоположности, и тем не менее они были лучшими подругами с тех пор, как Эли познакомила их в прошлом году.

– Мы этого не заказывали, – заметила как всегда прагматичная Виктория.

– Может быть, мы заказали, просто не помним, – возразила Рокси.

– Это от него. – Официантка указала на мужчину в дальнем углу бара.

Таверна О'Халлорана, любимое место сборищ персонала Мемориальной больницы Мадрин, предлагала изысканную еду и напитки в расслабленной обстановке, где каждый мог найти что-то себе по душе. Маленькие группки зевак толпились вокруг бильярдных столов, где проходили мини-соревнования. Несколько парней, которых Эли знала по работе, потягивали пиво, бросая в угол дартсы. На большом телеэкране рядом с баром шел футбольный матч.

Из своего уголка у боковой стены все четыре женщины осмотрели бар, подняв бокалы в знак благодарности их таинственному благодетелю.

Им оказался доктор Джаред Паджет, который, с лукавой ухмылкой глядя в их сторону, приподнял свой бокал с пивом.

Эли едва не раздавила ножку бокала. Паджет выбрал плохой вечер для своего отъезда. Девушка отхлебнула коктейль, глядя на Джареда и не пытаясь скрыть свой интерес. На докторе была черная кожаная куртка, в которой он походил на плохого мальчика, и это нравилось ей куда больше, чем строгий облик доктора в голубой докторской форме, которую он носил на работе.

Ее тело растаяло при воспоминании о его объятиях, о том, как она ощущала его крепкую грудь, прижатую к своей груди.

Поводом для девичника послужило десятилетняя годовщина смерти ее матери.

Как печально, что занятая собой мать Эли была так поглощена попытками найти мужчину, которого она любила бы так же сильно, как отца Эли, и уделяла мало времени дочери. Эли причиняло боль то, что она так и не смогла завоевать любовь матери, а теперь было слишком поздно.

Она испытывала гнев на своего отца-плейбоя за то, что он сделал ее мать беременной и, несмотря на то, что любил, отказался жениться на ней. За то, что он редко появлялся в их жизни и давал ее матери всякий раз ложную надежду, что он вернется и останется с ними.

Присутствие доктора Паджета заставило ее отвлечься от горьких мыслей о несчастливом детстве.

Ее неудержимо влекло к этому человеку и, как она ни старалась противиться его обаянию, у нее ничего не получалось, она хотела его, несмотря ни на что.

Девушка чувствовала, что она на пределе, ей нужно было отвлечься, проветриться.

– Игнорируем его, – сказала Виктория.

– И он передал вам вот это. – Официантка вернулась к их столику и поставила в центре его белую кондитерскую коробку.

Рокси сняла крышку:

– Канноли! Обожаю канноли!

Она схватила одно пирожное и укусила его так, что брызнул шоколад.

«Я хочу наполнить твое канноли...»

Черт бы его побрал. Эли залпом допила свой коктейль в попытке загасить тлеющее внутри желание, с которым она сражалась неделями, чтобы оно не вспыхнуло ярким пламенем.

– Попробуй. Они превосходны. – Рокси подвинула к ней коробку.

Эли встретила глазами с Джаредом. Он подарил ей озорную улыбку, провел пальцами по запотевшему стеклу бокала и приложил кончики пальцев к губам. К своим полным, восхитительным сексуальным губам.

И Эли не смогла отвернуться. Она почувствовала острое желание, которого не испытывала долгие годы. Она ненавидела его за это. Ненавидела себя за то, что не была достаточно сильной, чтобы сопротивляться ему.

– Я знаю этот взгляд. – Виктория наклонилась к ее уху. – Не делай этого, Эли. Утром ты себя возненавидишь.

– Она права, Эли, – поддержала подругу Поли. – Не позволяй ему обладать тобой. Завтра он уедет, и ты никогда о нем больше не вспомнишь.

Неправда. Он занимал ее мысли и ее сны. Ей нужно было изгнать его из своего мозга, и она знала только единственный способ сделать это. Превратить секс между ними из абстракции в реальность. Обрести контроль, получить то, чего она хочет, и покончить с ним.

Она позвала бармена:

– На посошок. Текилу для моих друзей. – Она сузила глаза и показала на доктора Паджета, чье удивленное выражение лица свидетельствовало о том, что он почувствовал изменение в динамике их отношений. – И ему. – Эли обернулась и язвительно улыбнулась. На посошок. Вот что она ему предложит.

Официантка принесла выпивку.

Эли опрокинула свою рюмку, проглотив содержимое одним глотком, не теряя времени на соль или лимон. Она стукнула пустой рюмкой о стол и встала.

– Увидимся завтра. Мне кое-что надо сделать.

– Эли, пожалуйста, – попросила Виктория.

Она через силу улыбнулась подруге:

– Не беспокойся обо мне, Вик. Я всегда выигрываю.

И снова улыбнулась, потому что представила себе выигрыш, который она собиралась получить в ближайшие несколько коротких минут.

Ее тело дрожало, от напряжения и от возбуждения, когда она пересекла бар. Прямая спина, плечи отведены назад. Эли изображала уверенность, которой в ней не было сейчас. С каждым стуком каблуков по деревянному полу, с каждым шагом, приближавшим ее к ее судьбе, Эли нервничала все больше. Она никогда раньше не предлагала себя мужчине. В юности они всегда сами ее искали. Ладони вспотели, и девушка сунула их в карманы жакета.

Примерно в десяти футах от Джареда она заколебалась, притворившись, что решила заказать выпивку в баре. Была ли Виктория права? Неужели она будет утром ненавидеть себя?

Эли посмотрела в его сторону. Их глаза встретились. Она черпала силы в его взгляде, отдаваясь волне влечения между ними, и сделала последний шаг, больше ни о чем не думая.

Девушка скользнула на стул рядом с Джаредом, намеренно коснувшись грудью его руки. И уронила канноли на стойку бара перед ним. Крошки рассыпались.

– Это насчет секса, верно? – спросила она, может быть, немного громче, чем должна была. – О'кей. Я согласна.

Джаред не двинулся с места, на самом деле он выглядел несколько шокированным ее прямотой.

Отлично!

– Да ну же, док. Время уходит. Ты сам это говорил. Ты хочешь секса или нет?

Кто-то похлопал Эли по плечу. Низкий мужской голос раздался за ее спиной:

– Если он не хочет, я не прочь.

– Благодарю за предложение, – ответила Эли, не посмотрев, кто говорит, стараясь не обижаться на это предложение, несмотря на то что все ее тело пылало от унижения. – Я наметила вот его. – Это первый мужчина за долгие годы, подумала она, который поколебал ее самоконтроль, мог заставить ее согласиться на что угодно. На все. Она наклонилась к нему и сказала: – Приходи сейчас или вовсе не приходи. Это предложение вот-вот потеряет силу.

Несколько секунд после того, как за ней закрылась входная дверь, она думала, что он за ней не последует. Ее решимость испарилась. Может быть, он вообще не интересуется, засомневалась она. Может быть, это все было игрой. Когда дверь отворилась, она обернулась и улыбнулась. Убедившись, что он видит ее, она бросилась к маленькой парковке за баром.

– Ты не в том состоянии, чтобы вести машину! – крикнул Джаред.

Нет. Она и не собиралась. Но в ее теле пульсировал адреналин, делая ее способной на что угодно. Это было так здорово. Она шагнула в тень мусорного бака и оттолкнулась от кирпичной стены справа, чтобы не врезаться в нее.

– Идите сюда, доктор Паджет. Я кое-что хочу вам показать.

Хорошее время. Она хихикнула про себя, пробегая между машинами в темноту, на травянистую лужайку, к скамейке, стоящей под купой деревьев. Лунный свет указывал ей дорогу. Ее тело было расслабленным и непослушным, как она не споткнулась и не упала, оставалось загадкой.

Задыхаясь, она рухнула на старую деревянную скамью и потерялась в лунном свете, покачиваясь на медленных волнах реки, в которой она плыла.

– Эли, – сказал Джаред, пробравшись сквозь деревья, его темная фигура обрисовалась над ней. – Позволь мне отвезти тебя домой. Уже поздно. И холодно.

Если и было холодно, она этого не чувствовала.

– Сядь, – попросила она.

Он поколебался мгновение, но повиновался.

– Сюда я привожу парней, которых цепляю в баре.

На самом деле это было место, где они с бабушкой любили кормить уток. Бабушка, который взял ее к себе, когда ее отец не захотел этого сделать, который растил и ободрял ее, учил ее уважению к себе и другим. Бабушка был человеком, которого она любила больше всего на свете, его сердечный приступ стал причиной того, что она вернулась в этот город после колледжа. Бабушка, который был бы так разочарован, если бы узнал, что она собирается сделать. Эли вытолкнула бабушку из сознания.

Ей нужно это. Она должна получить это. Сейчас.

Эли поднялась и быстрым движением, которое она отработала до совершенства много лет назад, приподняла юбку, натянула ее на бедра и широко расставила ноги, при этом Джаред оказался между ними, а она тут же сжала их, удерживая его на месте. Конечно, он мог бы уйти, если бы захотел, но, судя по ее опыту, ни один мужчина не хотел бы покинуть такую позицию.

– Вы были правы насчет меня, доктор Паджет, – прошептала Эли ему на ухо, обдавая его горячим дыханием, покачивая бедрами, ритмично двигаясь и отмечая его растущую эрекцию. – Я – шлюха, которая не заслуживает хорошего мужчины.

Он застыл в ее хватке.

– Эли, я никогда такого не говорил.

Она проигнорировала его замечание. Может быть, он и не произносил этих слов, но его действия подразумевали их.

– Если тебе холодно, я тебя согрею. – Она поцеловала его в шею. – Я по-настоящему горячая внутри. – Она распахнула полы его куртки и потерлась о него своим телом. – Ты хочешь почувствовать меня изнутри, док?

– Зови меня Джаред. – Он пробрался под ее юбку, под трусики и положил свои большие руки на ее ягодицы, опрокинув ее назад, поднимая ее бедра и прижимаясь к ней своей восставшей плотью там, где он был ей больше всего нужен. Боже, это было хорошо.

Она убедилась в его силе, в интенсивности его желания. Его мужской запах, ощущение его жесткого тела над ней, вокруг нее.

– Пожалуйста, Эли. Назови меня по имени.

Нет, это слишком личное. Эли приникла к его шее, ощущая смесь соли и мыла. Она будет контролировать ситуацию, которая не должна стать чересчур личной.

– Только не в машине или на куче навоза.

Эли хихикнула.

– Ты пьяна.

Она под кайфом – это точно. У нее кружится голова – о да. Она на вершине исполнения фантазий. Но пьяна? Нет.

– А чего ты ожидал после нашего девичника? Разве не за этим ты меня искал?

Она потянулась к нему, чтобы расстегнуть его джинсы, дернула молнию и взяла в руки его член.

Она сложила руки вокруг его толстого напряженного члена и начала медленно скользить по горячей шелковой коже.

– Разве ты не думал, что тебе повезет трахнуться после того, как я пропущу пару стаканчиков?

Он издал разочарованный вздох.

– Я не могу этого сделать. – Он ухватил ее за талию, словно решил оторвать от себя. Однако она заметила, что он не сделал попытки убрать ее руки. – Давай я отвезу тебя домой.

Итак, ей придется жить с воспоминанием о том, как они провели время вместе в ее постели? Нет. Прямо здесь. Прямо сейчас. Или вообще никогда.

– Не беспокойся обо мне. – Ее колени упирались в скамейку по обе стороны от его бедер. Она поднялась, стащила трусики... Они не покинут эту скамейку, пока она не получит то, за чем пришла. – Мы, опытные девушки, можем заниматься этим где угодно.

Он втянул в себя воздух.

Эли медленно опустилась, чуть двинулась и снова опустилась, еще ниже, ее тело напряглось, чтобы впустить его, пока она не получила его целиком. А-ах. Именно то, что ей нужно.

Джаред сидел как каменный, голова откинута назад, лунный свет освещает его привлекательное лицо, лицо, о котором она старалась не думать утро за утром, год за годом, как если бы он был кто угодно. Его глаза были закрыты, черты расслабились, не было и следа от ямочек, которые появлялись каждый раз, когда он улыбался. Его руки упали ей на грудь, слегка ее сжимая.

Физически в нем было все, что привлекало ее в противоположном поле. Высокий. Мускулистый. Настоящий мужчина. И он наполнил ее, как ни один мужчина раньше, коснулся чего-то такого глубоко так неожиданно и потрясающе, что ей не хотелось двигаться из страха, что она больше не почувствует такого совершенного единения. Как будто он был создан для нее одной.

Безукоризненный. Эли ждала целую жизнь, чтобы ощутить такую связь с мужчиной. Почему она должна была обрести ее с ним?

Она начала двигаться.

Джаред застонал.

– Это неправильно. Ты – девушка Майкла...

Неожиданно в нем пробудилась совесть?

– Больше нет. Благодаря ему сейчас я твоя. А теперь покажи мне, на что ты способен.

Он сделал что велено, удерживая ее бедра, врезаясь в нее, словно мужчина, у которого слишком долго не было интимных контактов.

– Я знал, что тебе понравится.

Одной рукой мужчина нашел ее грудь, раздражая ее сосок. Волна возбуждения поднялась в ней, глаза трепетали под ресницами.

Его слова эхом пронеслись в ее голове. «Я знал, что тебе понравится».

Наслаждение. Буквы плыли в ее мозгу, наслаждение охватило каждую часть ее тела. Джаред Паджет, сильный, уверенный, свободный, заботливый и знающий доктор, который заставил ее тело петь, как будто она летчик, пристегнутый к креслу сверхзвукового самолета.

Эли повалилась к нему на грудь, повинувшись его жажде, быстрее двигая бедрами, отбросив болезненные воспоминания о самоубийстве матери, в поисках облегчения, сладкого избавления. Спасения души.

– Я мечтал об этом. О нас, – выдохнул Джаред, его руки ласкали голую кожу ее спины.

Я тоже.

– Это намного лучше, чем я мог себе представить.

О да.

– Ты такая красивая.

И ты тоже.

– Но я должен остановиться.

Что? Эли села.

– О нет, не должен, – настаивала она, откидываясь назад, чтобы положить руки ему на колени, поворачивая бедра, подталкивая его к себе. – Ты мучил меня долгие недели, дразнил меня, флиртовал со мной. Мы не остановимся. Не сейчас. – Она была так близко.

– У меня нет презерватива.

Обычно эти слова приводили пьесу к концу. Эли не играла с судьбой. Однако вот она уже рискует, ей так нужно, чтобы Джаред был близко, ей так нужно сексуальное и эмоциональное освобождение, в котором она так отчаянно нуждалась, она даже и не думала о том, что может забеременеть. Чем выше была концентрация алкоголя в ее крови, тем ниже была ее способность принимать рациональные решения, они растворились в бездне иррациональности.

– Мне все равно. – Она изогнула спину, вобрала его глубоко-глубоко, затем расслабилась. – Ты сказал, что ты настоящий мужчина. Разве настоящий мужчина думает о контроле? Расслабься.

Джаред глубоко вздохнул.

Эли наклонилась вперед, потерлась губами о его губы.

– Пожалуйста, – прошептала она, затем поцеловала его, просунув язык в теплые недра его рта.

Он отвернул голову.

– Эли, я... Мы не должны. – Он попытался оттолкнуть ее.

– Нет! – крикнула Эли, обнимая обеими руками его шею, сжимая его крепко-крепко. – Не оставляй меня, – умоляла она, желая сделать что угодно, только бы удержать его здесь, только бы не остаться одной. Она сжала внутренние мускулы, пытаясь удержать его внутри нее. – Останься со мной, – прошептала она ему в ухо, медленно двигая бедрами взад-вперед. – Люби меня. Заставь меня забыться.

Джаред застонал, сдаваясь, и стал двигаться в ней, постепенно ускоряя темп, пока не достиг силы сравнимой с ее собственной.

Голова Эли закружилась, и из нее вылетели все мысли, кроме одной. Превосходно. Удовлетворение было выше всяких похвал.

– Не останавливайся.

– Я не могу, Эли. Я хочу, чтобы тебе было хорошо.

Его рука скользнула между ее ног.

– Мне хорошо. Ох.

Несколько движений его талантливых пальцев, и волна экстаза охватила ее. Это было другое, более интенсивное и освобождающее чувство. Оно очищало разум, и блаженное удовлетворение пронзило ее. Темный покой пресыщенности поглотил ее, пока колокол больших часов на городской ратуше эхом не пробился сквозь густой туман ее сознания.

Эли сосчитала. Двенадцать.

Приблизительное время смерти – полночь, 23 ноября.

Ее пропитанная текилой защита не устояла, позволив воспоминаниям того фатального дня проскользнуть в сознание.

Год окончания школы.

Мать Эли и ее женатый классный руководитель были пойманы за нехорошим занятием прямо у него на столе, сам акт передавался на большой экран в аудиторию во время школьной ассамблеи. Со звуком.

В тот день девочки смотрели на нее с большим отвращением, чем обычно. Мальчики держали дистанцию. Даже учителя отворачивались от нее.

Когда Эли ворвалась в дом после школы, у нее была одна цель – найти свою мать и дать ей почувствовать себя так же плохо, как чувствовала себя она. Сколько может выдержать пятнадцатилетняя девочка? На этот раз ее мать зашла слишком далеко.

Эли протопала по ступенькам, пробежала по коридорам, готовая к конфронтации, в отчаянной нужде выплеснуть гнев и разочарование, бившиеся в ней. Она нашла маму на заднем крыльце. Должно быть, она слышала, как Эли звала ее, хлопая дверьми, однако не сдвинула задницу со своей плетеной кушетки с подушками.

Она просто смотрела во двор, очевидно равнодушная к тому, что Эли вернулась.

– Мама! – завопила Эли.

Станным вялым движением ее мать поменяла положение, медленно повернулась к Эли, запутавшись в разноцветной афганской накидке. С ее колен скатилась пустая винная бутылка, стукнулась о деревянное крыльцо и укатилась под кофейный столик. Позднее Эли думала, что ей следовало пожалеть маму, которая пила после полудня, ее глаза были опухшими, на лице не было эмоций, ее немытые волосы превратились в белокурую спутанную массу.

Но гнев Эли превосходил всякие рациональные мысли, ее подростковые мозги были сосредоточены исключительно на своих переживаниях, ее душили боль и

гнев.

– Ты погубила мою жизнь! – заорала она на мать. – Я ненавижу тебя.

Эли была настроена на битву. Она в ней нуждалась.

Но на ее маму, похоже, взрыв ее эмоций не произвел никакого впечатления.

Спокойно, как только можно, она сказала:

– Совсем наоборот, детка.

Эли стояла неподвижно, ее стремление к битве сменилась холодным, пустым чувством.

– Сейчас я сделала бы все это снова, – продолжала ее мать, глядя вдаль. – Я бы скорее отказалась от тебя, чем от своей мечты.

Это были последние слова матери дочери, которую она обвиняла во всем плохом, что случилось в ее жизни, дочери, которую она никогда не хотела и не любила.

Джаред тяжело дышал, его кожу пощипывало, его мозг был замутнен раскаянием, и он пытался осмыслить то, что он только что сделал.

У него был секс с Эли. Без презерватива. Джаред чувствовал себя больным. Он кончил не в нее на случай, если она не принимает противозачаточные пилюли, но все равно... Он вел себя как животное. На скамейке в парке, господи прости. Он поступил как Бобби, который никак не хотел заткнуться и все рассказывал ему об Эли. Джаред обошелся с ней не лучше, чем остальные придурки из школы.

Джаред чувствовал себя представителем низшей формы жизни, личинкой, живущей на гниющем трупе. Он опять подумал о Бобби и не мог удержаться, чтобы не представить, как часто Эли приходится сталкиваться с нежеланными сексуальными притязаниями мужчин, которые знали ее подростком. Неужели

прошлая ночь была первой, когда к одному из них ему пришлось применить силу? Неужели причина того, что она сошлась с человеком вроде Майкла, была в том, что она стремилась к защищенности, которую мог предложить брак?

Что-то застряло у него в горле, мешая глотнуть.

Бобби с удовольствием рассказал ему о школьном прозвище Эли. И объяснил, почему ее так звали. Но Джареду не было дела до ее прошлого. Несколько лет тому назад он тоже был другим человеком. Настоящая Эли – умная, дерзкая, вдумчивая женщина, добрая, полная сочувствия, опытный практик, – это было все, что имело для него значение. И она заслуживала намного большего, чем тот мужчина, которым он стал. Джаред. Человек, которому нельзя доверять. Человек, который никого не любит.

– Мне очень жаль, – прошептал он ей в волосы.

Она не ответила.

Давным-давно, до того, как он был женат, до того, как в его жизни появилась Тифон Сиси, почти разрушив ее, когда Джаред еще только ходил к ней на свидания, он радовался, если давал женщине почувствовать себя особенной. Цветы. Конфеты. Обед в дорогом ресторане. Он делал комплементы, хвалил ее вкус в одежде и прическах, изображал из себя превосходного джентльмена, ожидающего, когда его пригласят домой на чашечку кофе. Он никогда не занимался сексом без презерватива посреди леса. Никогда не чувствовал вины перед женщиной после секса. До сегодняшнего дня.

И тем не менее Джаред не жалел ни об одной минуте того, что было.

Голова Эли покоилась у него на груди. Девушка уснула. Джаред оценил тишину, нарушаемую только движением воды в реке, шуршанием мертвых листьев и иногда – шумом автомобиля, выезжавшего с парковки.

У него не было желания ни говорить, ни двигаться. Так он и сидел, не торопясь уйти, наслаждаясь тем, что держит Эли в своих объятиях. Джаред сжал руки крепче, просунув их под ее свитер, чтобы согреть.

Какой беспорядок. Он не намеревался зайти так далеко, да еще это отсутствие презерватива. Он не должен был показываться в баре, где, как он знал, была Эли с подружками.

Джаред удивлялся самому себе. Через несколько часов он вернется к своей жизни, влезет в теплый спортивный костюм и будет бродить по квартире и думать об Эли и о том, как ему хотелось бы увидеть ее еще один, последний раз. Улыбающуюся Эли, а не ту злую мегеру, которая обозлилась на него, когда в приемном покое появился офицер полиции. И не ту, которая, когда смена кончилась, ушла из больницы, даже не взглянув в его сторону.

Необходимо разорвать их связь до того, как Майкл сделает Эли предложение, подумал Джаред. Заметив огонь в глазах Эли, стоило им в первый раз коснуться друг друга, оценив ее энергию, с которой она включилась в борьбу молодых матерей против службы надзора за детьми, Джаред понял, что она никогда не станет женой Степфорда, как бы ни старалась. И тем не менее в присутствии Майкла Эли превращалась в покладистую, мягкую женщину, которую Майкл считал своей невестой.

Абсолютный обман, отношения, основанные на притворстве, продолжал размышлять доктор. В свое время он сам пострадал от этого и теперь намеревался спасти своего друга от той головной боли и проблем с законом, через которые прошел он сам.

У Джареда был разработан свой план, чтобы разрушить эти отношения.

Первая ступень: флирт. Разбудить ее страсть, страсть, которую Майкл как мужчина был не в состоянии удовлетворить. Страсть, которую Эли обуздывала жестким контролем. До сегодняшней ночи.

Вторая ступень: дразнить, язвить и подстрекать. Подчеркивать недостатки Майкла. Шутить над ними. Дать Эли шанс разочароваться в привычках Майкла, чтобы она осознала, какую ошибку совершит, выйдя за него замуж. Вместо этого она хвалила и защищала Майкла, ни разу слова дурного о нем не сказала. Глубоко в душе Джаред не мог дождаться того дня, когда женщина будет с такой же убежденностью защищать его.

Когда Джаред понял, что Эли оказалась слишком сильной, чтобы ею можно было манипулировать, он перешел к третьей ступени, обратив свою энергию на Майкла. Несколько тщательно подобранных слов, «случайная» встреча в баре с женщиной, о которой Майкл был наивысшего мнения, и все остальное случилось с необычайной легкостью. Оказалось, что Майкл скрывал растущую озабоченность непокладистой натурой Эли, когда она попыталась что-то изменить в их графике в спальне. Теперь Майкл, один из немногих друзей, которые оставались с ним во время расследования, был абсолютно счастлив со своей такой же занудливой подружкой. Тогда как Эли, женщина, которую Джаред едва знал, женщина, которая пыталась одурачить его друга, была несчастна. Это не должно было иметь значения для Джареда, но почему-то имело.

Так что он изменил план, добавив четвертую ступень: заставить ее забыть о Майкле и сосредоточиться на нем.

Кто знал, что он так сильно увлечется ею? Их перепалки в последние месяцы были самым забавным из того, что у него было за долгие годы.

Джаред вытянул ноги, его ступни замерзли. Он потянулся, чтобы дотронуться до голых бедер Эли. Он не мог поверить, что она не дрожит. Он приподнял ее.

– Давай, детка. Время идти.

Она не шевельнулась.

– Эли. – Он поцеловал ее в макушку, ее мягкие волосы коснулись его подбородка.

Никакой реакции.

Тогда он взял ее за плечи и отодвинул от своей груди. Ее голова свесилась вниз. Отлично. И что, черт побери, теперь делать?

Пять недель спустя

Буря, разыгравшаяся в канун Нового года, не помешала персоналу Мемориальной больницы Мадрин устроить новогоднюю вечеринку.

– Нет шампанского? – завопила Виктория сквозь танцевальную музыку, несущуюся из динамиков диджея, стоявшего слева от их столика.

Эли покачала головой. С той памятной ночи на скамейке с доктором Паджетом она не выпила ни капли. Не доверяла себе.

– Ты теряешь бесплатную шипучку! – прокричала Рокси, осушая залпом содержимое бокала Эли после того, как официант принес его.

– Кто повезет тебя домой? – спросила Эли Рокси, рассматривая толпу.

– Я еще не решила, – отвечала Рокси с озорной улыбкой и подмигнула.

Поли шлепнула Рокси по руке.

– Ты такая плохая девочка. – Она подвинулась ближе к Эли. – Мы приехали вместе. Я отвезу Рокси домой.

Эли рассматривала танцпол, забитый ее коллегами, и ей хотелось стрельнуть в толпу пробкой от шампанского или двумя. Нет, раздумала она. У нее ужасное настроение, но это не значит, что она испортит друзьям вечеринку, и стала искать предлог, чтобы уйти домой до полуночи.

В то время, когда Майкл и Эли еще встречались, они говорили о том, как хорошо было бы обручиться в канун Рождества или Нового года. Майкл поступил в соответствии со своим планом, сделав Ванде предложение в канун Рождества перед рождественской елкой на этаже педиатрического отделения. Об этом говорила вся больница. Эли попыталась справиться со своей потерей, о которой поползли слухи.

Не тут-то было.

Она улыбалась и говорила всем, кто желал слушать, что желает счастливой паре всего хорошего. Но втайне она стала изучать, как делают кукол вуду. И собрала столько булавок, что их хватило бы для пошивочной мастерской.

Диджей прервался, включив какую-то тихую фоновую музыку, и Лайл Греншоу, менеджер obsługi персонала больницы, воспользовался этой возможностью, чтобы подойти к их столику.

Три года назад, после капитального ремонта, имевшего целью улучшить условия труда, управление больницы покинуло помещение в дальнем конце здания, и там расположились конференц-зал и большая комната для вечеринок для приезжающих благотворителей. С тех пор персонал больницы стал ценить ланчи и больничные праздники. Тогда как снаружи здание выглядело как больница, внутри оно напоминало вестибюль четырехзвездочного отеля. Трансформация заброшенных комнат медицинского департамента в первосортный холл-ресторан была столь значительной, что привлекала поток пожертвований и сделала Лайла Греншоу, являвшегося ее инициатором и непосредственным исполнителем, в городке чем-то вроде героя.

– Привет, леди, – сказал Лайл со своей фирменной южной улыбкой. – Я хочу пригласить вас на экскурсию в мой офис попозже вечером. Я привез северянам кое-что южное очаровательное и готов продемонстрировать его вам.

– Ты хочешь всех нас разом? – спросила Рокси, в глазах ее плясали чертики, голос стал соблазнительным. – Или по одной?

– Ну, я готов вас принять, как вы захотите, сладкая моя. – Лайл улыбнулся, зная о раскаянии Рокси в своем поведении на праздновании получения нового оборудования в большом конференц-зале.

Рокси опустила ресницы и улыбнулась в ответ.

– Это тот, о ком я думаю? – спросила Поли, указывая на главный вход в зал.

Эли повернулась и увидела Джареда Паджета, в смокинге, выглядевшего слишком красивым, чтобы быть настоящим мужчиной из плоти и крови, ее сердце заколотилось, и ей стало тяжело дышать, она ухватила за стол, чтобы

не упасть.

Сожалея о своем поступке в тот вечер, пять недель тому назад, она вспомнила, чему учил ее дедушка: если ты ничего не можешь поделать с прошлым, сосредоточься на будущем. Поэтому Эли постаралась спрятать воспоминание поглубже.

Вуаля! Превосходный повод покинуть вечеринку до того, как ее заметит доктор Паджет.

– Я смываюсь, – сказала Эли Виктории, встала и на секунду замешкалась, пытаясь смешаться с людьми, толпящимися на танцполе.

Виктория знала, что произошло между Эли и доктором Паджетом.

– Мы его отправим куда подальше, – пообещала Виктория, посылая Поли в одну сторону и Рокси в другую.

Эли протиснулась за столик диджея, глядя, как ее подруги пробираются через толпу. Рокси добралась до него первой, схватилась за горло, притворяясь, что закашлялась, и упала на пол у его ног. Эли улыбнулась, видя эту сцену. Доктор Паджет упал на колени, чтобы оказать первую помощь, вокруг собралась толпа... Виктория и Поли стояли по сторонам, улыбаясь. Словно почувствовав ее взгляд, Виктория жестами показала Эли, чтобы та двигалась. Что она и сделала, направившись в пустой коридор, намереваясь найти свое пальто и сапоги в гардеробе и вскочить в один из автомобилей, специально нанятых на этот случай больницей.

Но прежде чем она добралась до ярко освещенного коридора, она увидела сплетенные в объятиях тела Майкла и Ванды, привалившихся к стене как раз в том месте, которое она наметила для своего бегства. Эли повернула назад и тут же увидела Джареда, двигавшегося ей навстречу.

Эли осмотрела коридор, выискивая путь отступления. Не обнаружив его, она подергала ручку двери главного конференц-зала справа и, обнаружив, что он не заперт, скользнула внутрь прежде, чем Джаред дошел до нее.

В безопасной темноте Эли прислонилась к закрытым дверям и затаила дыхание.

Пара минут, подумала девушка, и она выскользнет наружу. Если ей удастся обойтись без номерка, она сможет воспользоваться черным ходом и будет дома через пять минут.

Дверная ручка справа с щелчком повернулась. Неужели доктор Паджет так быстро нашел ее? И если это не он, как она объяснит, что стоит тут в одиночестве в темном конференц-зале?

– Майкл, – услышала она прямо за дверью, – ты не видел Элисон?

Она застыла.

– Привет, Джаред, – отвечал Майкл. – Я слышал, ты возвращаешься?

Что он слышал? И почему она этого не слышала?

– На этот раз на четыре недели, – сказал Джаред.

Мысль присоединиться к команде разъездных медсестер казалась ей все более привлекательной.

– Так ты видел Элисон? – снова спросил он.

Эли не стала ждать ответа. Вместо этого она на цыпочках, так тихо, как только могла, в темноте стала пробираться в дальний конец зала. Пробираясь вдоль стены, она обнаружила боковую дверь, которая вела в кабинет Лайла, и проскользнула внутрь как раз в тот момент, как дверь в конференц-зал отворилась.

Эли боялась шуметь, поэтому застыла в дверном проеме, не рискуя закрыть дверь. Эли никогда раньше не бывала в кабинете Лайла, она просто знала, где он находится. В нем было темнее, чем в конференц-зале. Похоже, в комнате не было окон, только тонкая полоска света пробивалась из-под двери в дальнем конце комнаты. Девушка стояла совершенно неподвижно, дожидаясь, когда глаза привыкнут к темноте.

– Я не вижу ничего, кроме темноты, – услышала Элисон голос Ванды, ее сладкий голос был почти успокаивающим.

Эли сделала шаг назад, готовая, если необходимо, спрятаться за дверью, и наткнулась на высокий шкаф. Очевидно, Лайл не был очень аккуратным работником, потому что ящики, из которых торчали бумаги, были не задвинуты.

Внезапно дверца шкафа захлопнулась, зажав часть Элиной юбки.

– Неужели у Лайла в самом деле в кабинете хранится тот кактус, который выиграл кучу наград? – спросила Ванда. – Или вы хотите, чтобы я пошла первой? – Ванда хихикнула.

А кактус как раз и был той диковиной, на которую Лайл приглашал их посмотреть в свой кабинет?

Эли дернулась, обнаружила, что шкаф прочно заперт. Она досадовала на свой украшенный бисером до смешного дорогой наряд. Юбка никак не освобождалась.

Эли предполагала, что сегодняшняя ночь будет блистательной, она покажет всем коллегам, что оставила доктора Майкла Степфорда в прошлом. Что ее жизнь продолжается. И она планировала превосходно сыграть это представление, черт побери! Однако все пошло не так, как она планировала.

Сначала брат Виктории, который согласился изобразить ее возлюбленного, сломал берцовую кость, катаясь на лыжах, и не смог приехать в Нью-Йорк. В результате Эли явилась на вечеринку без кавалера.

А теперь она еще и прикована к шкафу, в темноте, словно языческая жертва богу тупости.

Она нервно накручивала на палец локон своих волос.

«Должен же быть какой-то способ выйти из этой ситуации, – думала Эли. – Успокойся и подумай об этом».

– Я слышала, как люди говорили об этом кактусе, – сказала Ванда.

– Я хочу на него посмотреть.

«Неужели ты осмелишься привести ее сюда, Майкл».

В панике Элисон попыталась освободиться.

– Я покажу вам кое-что более впечатляющее, чем этот ничтожный кактус, – пообещал Майкл голосом Хэмфри Богарта, который он столько раз имитировал, когда они были вместе.

– Здесь, на столе конференц-зала? – Голос Ванды звучал удивленно, а Эли и вовсе была потрясена. Это совершенно не похоже на Майкла, в нем не было жилки к приключениям, во всяком случае, пока он встречался с ней.

Ванда хихикнула снова.

– О, Майк! – воскликнула она, а мгновение спустя ее слова завершились стоном.

Просто великолепно, подумала Эли. Она вынуждена стоять тут и слушать мужчину, за которого она собиралась выйти замуж, занимающегося любовью с женщиной, на которую он ее променял. К тому же Ванда оказалась мастером стонов, что делало ситуацию еще более тошнотворной. Единственным светлым пятном для Эли оказалось то, что Майкл занимался любовью, как Спиди Гонсалес, принимающий виагру. Пытка закончилась быстро.

Однако недостаточно быстро, чтобы удовлетворить Эли, которая провела все время их любовной игры в попытках вырваться из плена шкафа. К тому времени, как дверь конференц-зала закрылась за любовниками, Элисон не только не добилась успеха, но продолжала вертеться до тех пор, пока нижняя часть ее платья не обернулась вокруг коленей.

Дверь конференц-зала открылась снова.

Девушка задержала дыхание.

И закрылась.

Тело Эли напряглось, она прислушивалась, со страхом ожидая, что кто-нибудь войдет, обнаружит ее и она станет всеобщим посмешищем. Ее пульс участился. Но она ничего не слышала. Ни шагов. Ни голосов.

Эли вздохнула с облегчением, но ей все еще нужно было освободиться. Сейчас. Прежде чем кто-нибудь наткнется на нее.

В отчаянии она дернулась и потянула изо всех сил, пока подол ее платья не треснул, но часть юбки все еще оставалась зажатой.

– Нет! – крикнула она в отчаянии.

Недельная зарплата, многочасовая беготня с судном, капельницами, катетерами, переодеванием, лекарствами и перевозками пациентов была уничтожена так же эффективно, как если бы она воспользовалась ножницами, чтобы разрезать свой чек на сотню крошечных неузнаваемых кусочков.

– Эли?

Эли в ту же секунду узнала голос Джареда. Она застыла, она была почти готова расплакаться. «Пожалуйста, пожалуйста, только не он, только не сейчас».

Боковая дверь в кабинет Лайла Греншоу со скрипом отворилась. Яркий свет упал от верхних ламп.

Элисон покосилась на дверь, пытаясь прикрыть одной рукой прореху на платье, другой рукой прикрывая бедра, всерьез сожалея о своем выборе белья, зная, что полупрозрачные бледно-розовые трусики танга, которые она на себя натянула, больше открывают, нежели скрывают.

Сначала в поле ее зрения оказались его черные лаковые туфли. Когда Эли подняла голову, она увидела черные брюки, скрывающие длинные ноги, черный пиджак-смокинг, превосходно сидящий на широких плечах, шелковый галстук-бабочку, завязанный под снежно-белым воротником рубашки, и наконец она встретила взглядом с оливково-зелеными глазами доктора Джареда Паджета.

Хотя он хорошо выглядел и в больничной униформе, ничто не могло сравниться с мужчиной, одетым в смокинг. Его темные волосы были подстрижены короче, чем в последний раз, когда она его видела.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Эли, как можно невозмутимее.

– Ищу тебя, – невинно отвечал он. – Как будто ты не знаешь.

– Хочу заметить, что ты явился без приглашения. Без предупреждения.

– Я думаю, тебе чертовски повезло, что здесь появился я, а не кто-нибудь еще. – Его глаза осмотрели ее ноги до голых бедер. Они задержались на ее груди, его согревающий взгляд был откровенным и беспечным, ее соски затвердели. Его взгляд проследовал до того места, где ее платье было надежно зажато дверцей шкафа. Как он ни старался – не смог удержаться от улыбки.

– Что, черт побери, ты с собой сделала?

Эли оглянулась в поисках чего-нибудь, чтобы швырнуть в него. «Почему никогда под рукой не оказывается того, что нужно», – подумала она.

– Осмелюсь ли я спросить, в чем состоит твое затруднение?

– Только если ты не хочешь выйти отсюда целым и невредимым.

Джаред рассмеялся:

– Ты ужасно отважная для человека в твоем положении.

Хорошо замечено. Она глубоко вздохнула:

– Прости. Это была ужасная ночь.

И у Эли было зловещее предчувствие, что она станет еще хуже, прежде чем закончится.

Паджет стоял, с любопытством глядя на нее.

– Не думаешь ли ты, что, вместо того чтобы глазеть, мог бы найти ножницы на этом столе и освободить меня?

Эли рванулась, демонстрируя новую попытку освободиться.

Джаред продолжал изучать ее, наклонив голову и проведя пальцами по подбородку.

– Ты меня слышишь? – Эли замахала руками перед его лицом. – Мне тут нужна небольшая помощь.

Он очнулся:

– Мне кажется, ты мне нравишься там, где ты есть.

Прервав протесты Эли, Джаред протянул руку, чтобы прекратить ее вопли:

– Только пару минут. У меня есть предложение.

– Ты надо мной издеваешься. Ты можешь позволить себе делать предложение женщине в зловещих обстоятельствах?

К сожалению, она не могла дать ему пощечину, чтобы показать, что его слова оскорбили ее.

Он покашлял.

– Твои обстоятельства не так уж зловещи. Тебе неудобно?

Нет, это было не так. Но...

– Да. Ужасно неудобно. Освободи меня немедленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/markus_vendi/kogda-nochi-malo

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)